

MO
HAYDER
GONE

МО ХАЙДЕР
**ОПЕРЕДИТЬ
ДЬЯВОЛА**

Перевод с английского
Сергея Таска

издательство **АСТ**
МОСКВА

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

X35

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Хайдер, Мо

X35   Опередить дьявола : роман / МО ХАЙДЕР; пер. с англ. С. ТАСКА. —
Москва: АСТ: CORPUS, 2013. — 376 с.

ISBN 978-5-17-0796333-5

Автор блестящих детективов и триллеров — британская писательница Мо Хайдер свой дебютный роман *Birdman* (“Человек-птица”) опубликовала на пороге XXI века. Эту книгу некоторые рецензенты нашли чересчур жестокой, но это не помешало ей стать мировым бестселлером. Ровно через год газета *The Sunday Times* назвала бестселлером вторую книгу Хайдер — *The Treatment* (“Лечение”). Тогда и появляется главный персонаж всех следующих романов серии *The Walking Man* — Джек Кэффри.

“Опередить дьявола” (2011) — третья книга этой серии, выигравшая *Edgar Award* в номинации “Лучший роман”. Для Кэффри, детектива-аса, рутинное дело об угоне автомобиля оборачивается ужасом: вместе с автомобилем похищена одиннадцатилетняя девочка, дочь священника. Вскоре подобная история повторяется с другим ребенком. Однако похититель неуловим... Тем временем за дело берется сержант полиции Фли Марли — миниатюрная, ловкая, как обезьянка, отважная, она пускается на поиск девочек в смертельно опасные места...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-0796333-5

© Мо Hayder, 2010

© С. Таск, перевод на русский язык, 2013

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013

© ООО “Издательство АСТ”, 2013

Издательство CORPUS ®

1

Детектив Джек Кэффри из бристольского бюро по расследованию преступлений особой тяжести провел десять минут в самом центре Фрома на месте события. Он миновал полицейские посты и патрульные машины с проблесковыми маячками и сбившихся в кучки, отягощенных субботними покупками зевак, которые пялились на судмедэкспертов с их кисточками и целлофановыми пакетиками, и надолго задержался там, где все произошло, — на подземной парковке среди бензиновых протечек и брошенных магазинных тележек, — чтобы пропитаться атмосферой и понять, насколько все серьезно. Когда же совсем продрог, хотя и был в пальто, он поднялся в тесный офис менеджера, где местные копы и медэксперты просматривали запись системы видеонаблюдения на маленьком цветном мониторе.

Они стояли полукругом со стаканчиками машинного кофе в руках; некоторые еще не успели снять прорезиненные комбинезоны, только сбросили капюшоны. Все обернулись к вошедше-

му, но Кэффри помотал головой и поднял ладони, как бы давая понять, что у него нет новостей, и снова все с озабоченными, серьезными лицами уставились в монитор.

Картинка грешила зернистостью, характерной для низкого качества камеры уличного видеонаблюдения; ее объектив был нацелен на пандус подземной парковки. Тускловатый тайм-код то и дело менялся с черного на белый и обратно. На экране можно было разглядеть выстроившиеся в ряд машины, каждая в своем отсеке; проникающий с улицы зимний свет заливал их так, словно из-за пандуса били прожектора. Возле “тойоты ярис” с открытым багажником — спиной к камере — стояла женщина и выгружала из тележки продукты. У Джека Кэффри, детектива с восемнадцатилетним стажем, побывавшего в серьезных передрягах в составе опергруппы по расследованию убийств при поддержке городских полицейских частей, пробежал холодок по спине от одной мысли, что сейчас увидит на экране.

Он уже кое-что знал из донесений местных офицеров. Розе Брэдли, жене англиканского пастора, было под пятьдесят, хотя на экране она выглядела старше. Короткий темный жакет из какой-то пушистой ткани — возможно, шенилла, — твидовая юбка до колен, туфли на низком каблуке. Аккуратная короткая стрижка. Из породы благоразумных женщин, выходящих с зонтиком или в платке на случай дождя, но день выдался ясный и сухой, так что на голову она ничего не надела. Роза провела

послеполуденные часы в бутиках одежды в центре Фрома, а закончила экскурсию закупкой продуктов на неделю в Сомерфилде. Перед тем как загрузить пакеты в багажник, она положила ключи от машины и парковочный талон на переднее сиденье своего “яриса”.

Вдруг за спиной у нее замерцал свет — она подняла голову и увидела бегущего вниз по пандусу мужчину. Рослого, широкоплечего, в джинсах и синем пуховике. Лицо скрывала резиновая маска. Маска Санта Клауса. И это проняло Кэффри до самых печенок: подпрыгивающая маска быстро надвигалась на Розу. Застывшая ухмылка.

— Он произнес три слова. — Местный инспектор, высокий, сурового вида тип в форме, тоже, судя по красному носу, недавно с холода, кивнул в сторону монитора. — Вот сейчас подбегает к ней: “На землю, сука!” Голос ей незнаком, и она даже не может сказать, был ли у мужчины акцент, так он кричал.

Мужчина схватил Розу за руку и поволок в сторону. Другая ее рука дернулась вверх, задев ожерелье на шее, и бусины, играя на солнце, брызнули в разные стороны. Она врезалась бедром в багажник соседней машины и, сделав в воздухе кульбит, словно резиновая игрушка, шлепнулась сверху. Волосы встали торчком, локоть задел крышу, ее тут же подбросило, точно пружиной, и она приземлилась на колени поодаль от машины. А мужчина уже сидел за рулем. Сообразив, что происходит, Роза заставила себя подняться. Добежав до своего “яриса”,

она отчаянно задергала ручку двери, а этот тип уже заводил мотор. Он снял машину с ручного тормоза — та слегка подалась назад. Дал задний ход, и Роза, едва не падая, проковыляла за ней пару метров, потом он резко затормозил и, переключив скорость, рванул вперед. Потеряв опору, женщина на полусогнутых, словно краб, сделала по инерции несколько шагов и остановилась. Пришла в себя в тот момент, когда оставалось лишь проводить взглядом машину. — Дальше что? — спросил Кэффри.

— Ничего особенного. Его зафиксировала вторая камера. — Инспектор направил пульт на цифровой видеомагнитофон и пролистал несколько записей. — Вот... он уезжает с парковки по ее талону. Картинка не очень хорошая.

На экране снова возник “ярис”, вид сзади. Когда машина затормозила перед шлагбаумом, загорелись сигнальные лампочки. Открылось окно, и мужская рука вставила парковочный талон в прорезь сканера. После короткой паузы шлагбаум поднялся. Сигнальные лампочки погасли, и “ярис” отъехал.

— Отпечатков не осталось, — сказал инспектор. — Он был в перчатках. Видите?

— Дайте стоп-кадр, — попросил Кэффри.

Инспектор нажал на “паузу”. Кэффри придвинулся к экрану и вывернул голову набок, всматриваясь в заднее стекло над высвеченным номерным знаком. Когда это дело попало в ПРА¹, начальник подразделения, тот еще сукин сын, который бы вы-

¹ ПРА — подразделение по расследованию автомобильных аварий. (Здесь и далее прим. переводчика.)

тряс всю душу даже из старушки, если бы ее информация помогла ему улучшить показатели раскрываемости, посоветовал Кэффри первым делом проверить, соответствуют ли действительности факты, изложенные в полицейском протоколе. Сейчас детектив вглядывался в бликующую за стеклом тень. На заднем сиденье просматривался какой-то размытый силуэт.

— Это она?

— Да.

— Вы уверены?

Инспектор повернул голову и смерил Кэффри долгим взглядом, словно посчитав, что ему устраивают проверку.

— Да, а что? — проговорил он, разделяя слова.

Кэффри оставил вопрос без ответа. Не рассказывать же про начальника, который считает, что мир состоит из придурков, готовых присочинить ребенка на заднем сиденье угнанной машины, надеясь придать делу особый статус и повысить шансы поймать преступника. Такое бывало. Однако не похоже, что это случай Розы Брэдли.

— Дайте-ка мне еще раз на нее взглянуть. В самом начале.

Инспектор снова взял пульт и вернулся к первому эпизоду, за полторы минуты до нападения. Пустая парковка. Десяток освещенных машин. Когда тайм-код показал 16:31, двери супермаркета открылись, и появилась Роза Брэдли, толкающая перед собой тележку. Рядом с ней семенила маленькая девочка в коричневой спортивной курточке. Блед-

ленькая, светлые, лесенкой подстриженные волосы, бежевые туфельки с ремешком-перемычкой, розовые колготки. Руки в карманах. Мать автоматически разблокировала двери “яриса”, и девочка, открыв заднюю дверцу, забралась внутрь. Роза захлопнула за ней дверцу и, положив на переднее сиденье ключи и парковочный талон, направилась к багажнику.

— О’кей. Достаточно.

Инспектор выключил телевизор и распрямился во весь рост.

— Преступление с отягчающими обстоятельствами. Кто этим будет заниматься? Вы? Я?

— Никто. — Кэффри вытащил из кармана свои ключи. — До этого дело не дойдет.

Брови инспектора поползли вверх.

— Кто сказал?

— Статистика. Он совершил ошибку — не знал, что в машине сидит маленькая девочка. При первом удобном случае он от нее избавится. Возможно, уже избавился, о чем поступит сообщение на дежурный пульт.

— Прошло почти три часа.

Кэффри выдержал его взгляд. Инспектор прав — эти три часа не укладываются в статистику, что не есть хорошо. Но как человек бывалый он, Кэффри, знает, что нет правил без исключения. Случаются зигзаги, ломаются стереотипы. Да, три часа озадачивают, но, вероятно, этому есть объяснение. Возможно, парень решил уехать подальше. Найти место, где легче избавиться от ребенка без лишних свидетелей.

— Девочка вернется, помяните мое слово.

— Уверены?

— Уверен.

Застегнув пальто, Кэффри вышел из комнаты, на ходу выживая из кармана ключи от машины. До конца рабочего дня оставалось полчаса. Он уже строил планы на вечер. Можно посмотреть по телевизору викторину “Полицейский клуб” в пабе “Стейпл хилл”, можно принять участие в розыгрыше мясных блюд в “Экипаже”, что неподалеку от их офиса, или провести вечер дома в компании с самим собой. Варианты один другого хуже. И все же не сравнить с тем, что предстояло ему сейчас. Встретиться лицом к лицу с семьей Брэдли. Попробовать выяснить, нет ли еще какой-нибудь причины, помимо статистической погрешности, по которой их младшая дочь Марта до сих пор не дома.

2

На часах было шесть тридцать, когда он подъехал к участку, расположенному сразу за городком Оукхилл в округе Мендип. Это была современная застройка примерно двадцатилетней давности с широкой дорогой, упирившейся в тупик, и обширными зарослями лавра и тиса у подножия холма. А вот дом его удивил. Он ожидал увидеть нечто, стоящее особняком, с садом, глицинией под окнами и вензеями “викарий” на каменных воротах. Вместо этого перед ним оказался дом на две семьи с битумной подъездной дорожкой, декоративными трубами и оконными переплетами из поливинила. Он заглушил мотор. Всякий раз перед встречей с жертвами он холодел. Он было решил не подходить к дому. Не стучать. Развернуться и уехать.

Дверь ему открыла оэсэсница, офицер по связям с семьей, приставленная к Брэдли. Видимо, из-за своего высокого роста эта тридцатилетняя женщина с коротко остриженными блестящими волосами ходила в туфлях без каблука, выглядывавших

из-под мешковатых брючин, и постоянно пригибала голову, словно опасалась задеть потолок.

— Я им сказала, из какого вы подразделения. — Она отступила на шаг, пропуская его в прихожую. — Не хотелось их пугать, но они должны знать, что мы настроены серьезно. И еще предупредила, что новостей у вас пока нет. Что вы просто хотите задать несколько вопросов.

— Как они?

— А вы как думаете?

Он передернул плечами.

— Ну да. Глупый вопрос.

Она закрыла дверь и окинула Кэффри долгим оценивающим взглядом.

— Я про вас слышала. Кое-что знаю.

В доме было тепло, поэтому он снял пальто. Он не спросил, что именно она про него слышала, хорошее или плохое. Определенный тип женщин нагонял на него тоску, а его репутация тянулась за ним шлейфом из Лондона в западные графства. Отчасти не этим ли объяснялось его одиночество? И эти его бессмысленные планы на вечер с розыгрышем мясных блюд и полицейскими викторинами в пабе?

— Где они?

— На кухне. — Она ногой подсунула под дверь коврик от сквозняков. День выдался холодный. Мягко говоря. — Но сначала пройдемте сюда. Я вам покажу фотографии.

Оэсэсница провела его в боковую комнату с полузадернутыми шторами. Мебель качественная, но выдавшая виды: пианино темного дерева у стены,

телевизор в проеме шкафа с инкрустацией по дереву, два обшарпанных дивана, покрытых чем-то вроде старых, сшитых вместе домотканых ковриков в стиле племени навахо. Все это: коврики, стены, мебель — за многие годы обветшало, чему явно поспособствовали дети и домашние животные. На одном из диванов возлежали две собаки — черно-белая колли и спаниель. Обе подняли головы и устались на Кэффри. Еще две пары оценивающих глаз, желающих знать, за каким чертом он сюда пожаловал.

Он остановился возле журнального столика, на котором были разложены два десятка фотографий. Похоже, их в спешке, вместе с бумагой, выдирали из семейного альбома. Все та же бледненькая Марта с красивыми, лесенкой подстриженными волосами и в очках, за которые обычно поддразнивают в младших классах. В детективной среде принято думать, что правильно выбранная для оповещения общественности фотография — это один из ключевых моментов в розыске пропавшего ребенка. Она должна не просто помочь его опознать, но еще и расположить к нему потенциальных свидетелей. Кэффри пальцем возил фотографии по столешнице. Школа, праздничные торжества, дни рождения. Наконец он выбрал. Марта в дынно-розовой футболке, с двумя заплетенными косичками. За спиной голубое небо и далекие холмы в зеленой дымке лесов. Судя по всему, снимок сделан в саду за домом. Он показал фотографию женщине-офицеру.

— Вы тоже ее выбрали?

Она кивнула.

— Я послала ее по электронной почте в пресс-службу. Все правильно?

— Я бы поступил так же.

— Хотите теперь увидеть семью?

Он вздохнул. Поглядел на дверь, куда указывал ее палец. Как бы отвертеться? Это же все равно что войти в логовище львов. Попробуй найди необходимый баланс между профессиональным подходом и простым человеческим сочувствием жертвам.

— Пойдемте и покончим уже с этим.

Он проследовал за ней на кухню, где трое членов семейства Брэдли мгновенно прекратили свои занятия и с надеждой обратили на него взоры.

— Никаких новостей. — Кэффри развел руками.

Все разом выдохнули и сникли. Он мысленно сопоставил свои впечатления с информацией, полученной в полицейском участке Фрома. Вот склонился над мойкой преподобный Джонатан Брэдли пятидесяти с лишним лет, статный шатен с густой волнистой шевелюрой, высоким лбом и широким прямым носом, одинаково уверенный в себе в любом одеянии, будь то пасторский воротник или домашняя фуфайка, как сейчас, с вышитым на груди именем *Иона*, под изображением арфы.

Старшая дочь, Филиппа, сидела за столом. Типичный подросток-бунтарка с колечком в носу и крашеными черными волосами. В другой ситуации она бы развалилась на кушетке с пальцем во рту, закинув ногу на валик и тупо уставившись в экран. Но не сейчас. Руки между колен, плечи опущены, на лице застыла гримаса ужаса.

И, наконец, сидящая за столом Роза. Утром она уходила из дома с видом человека, отправляющегося на церковное собрание. Жемчуга, причесочка. Но ему ли не знать, что всего за несколько часов человек может измениться до неузнаваемости, и сейчас Роза Брэдли казалась без пяти минут клиентом психушки в своей бесформенной кофте и синтетическом платье. Ее редящие светлые волосы прилипли к голове, под глазами набухли большие мешки, на щеке медицинский пластырь. А еще ее чем-то накачали, судя по неестественно отвисшей нижней челюсти. Вот уж нехстати. Он бы предпочел, чтобы она хорошо соображала.

— Мы рады вас видеть. — Джонатан Брэдли выдавил из себя улыбку. Он подошел и тронул детектива за плечо. — Садитесь. Я налью вам чаю, как раз заварился.

В кухне, такой же обшарпанной и выцветшей, как все остальное, было тепло. Над раковиной висели в ряд поздравительные открытки с днем рождения. Небольшая полка возле двери ломилась от подарков. На металлическом подносе красовался торт, который оставалось только украсить кремом. В центре стола рядом лежали три сотовых телефона, словно в расчете, что хотя бы один из них позвонит и принесет какие-то новости. Кэффри отметил про себя места, где, похоже, пошебуршила маленькая Марта, но так, чтобы этого не заметили родители. Он сел напротив Розы и улыбнулся одними губами. Ее губы дернулись в ответной улыбке. На щеках проступили капиллярные жилки, гла-

за запали, а кожа вокруг них набрякла и покраснела, как это бывает после черепно-мозговой травмы. Надо будет выяснить у ОСС, откуда взялись транквилизаторы. Хорошо, если их выписывает врач-терапевт; хуже, если Роза опустошает домашнюю аптечку.

— Завтра у нее день рождения, — прошептала она. — К тому времени вы ее вернете домой?

— Миссис Брэдли, я должен вам объяснить, почему я здесь, а вы отнеситесь к моим словам без ненужной паники, — сказал он. — Я уверен: в тот момент, когда человек, угнавший вашу машину, осознал свою ошибку, — не сразу заметив, что на заднем сиденье находится Марта, — он начал строить планы, как от нее избавиться. Не забывайте, он тоже напуган. И никак не рассчитывал, что к обвинению в угоне может добавиться статья о похищении ребенка. В подобных ситуациях это типичная развязка. У меня в офисе собрана целая библиотечка на эту тему. Я кое-что перечитал перед тем, как ехать к вам, и, если пожелаете, могу сделать для вас копии соответствующих страниц. А с другой стороны...

— А с другой стороны?

— Мы как люди ответственные обязаны рассматривать это как похищение. Это совершенно обычная практика, вовсе не означающая, что мы по-настоящему встревожены. — Он ощущал спиной, что его мониторят. Ему было известно, что у оэсэсников, приписанных к семье, которая столкнулась с грубым насилием, некоторые слова находятся под запретом, поэтому он произнес “похищение” легко,

этак вскользь, как поколение его родителей произнесло бы слово “рак”.

— СОНЗ приведена в состояние повышенной готовности. Я говорю о службе опознания номерных знаков. На всех главных магистралях камеры высматривают вашу машину. Стоит только этому типу выехать на одну из таких дорог, как его тут же остановят. Мы привлекли дополнительные команды дознавателей. Выпущен пресс-релиз, так что внимание местных или даже общенациональных средств массовой информации нам обеспечено. Кстати, если вы сейчас включите телевизор, то, вполне возможно, услышите об этом в выпуске новостей. К вам заедет человек из нашего технического отдела. Ему потребуется доступ к вашим телефонам.

— На тот случай, если кто-то позвонит? — В глазах Розы вспыхнула отчаянная надежда. — Вы это хотели сказать? Что нам может кто-то позвонить? То есть вы все-таки считаете, что это похищение?

— Миссис Брэдли, умоляю. Я считаю ровно то, что сказал. Обычная рутина. Не надо рисовать себе каких-то зловещих картин или думать, что у нас есть уже некие гипотезы. Никаких гипотез у нас нет. Я ни секунды не сомневаюсь, что к особо опасным преступлениям это дело никакого отношения не имеет и что завтра ваша Марта благополучно отпразднует свой день рождения. И все же я должен задать вам несколько вопросов. — Он извлек из внутреннего кармана миниатюрный MP3-плеер и положил на стол рядом с мобильными телефонами. Замигала красная лампочка. — Разговор запи-

сывается. Точно так же, как первый разговор с вами. Вы не возражаете?

— Нет, я.. — Она не договорила. Повисла пауза, после которой ее губы тронула извиняющаяся улыбка, как будто она успела забыть не только, кто он такой, но и почему они сидят за этим столом. — В смысле... нет, не возражаю.

Джонатан Брэдли поставил перед детективом кружку с чаем и сел рядом с женой.

— Мы тут обсуждали, почему нам до сих пор никто не позвонил.

— Прошло еще мало времени.

— Но у нас есть предположение, — сказала Роза. — Когда это произошло, Марта сползала с заднего сиденья.

Джонатан согласно кивнул.

— Сколько раз мы ей говорили этого не делать — как об стенку горох. Стоит ей только залезть в машину, как она сразу переползает на переднее сиденье и давай переключать радиоканалы. Ищет что-то свое. И вот мы подумали: может, когда он рванул с места, ее отбросило назад, и она упала между сидений да еще ударилась головой. Может, он едет дальше, ни о чем не подозревая. Он мог давно бросить машину, а она до сих пор лежит без сознания.

— Бак полный. Я залил бензин по дороге в Бат. Так что он мог далеко уехать. Очень далеко.

— Не могу этого слышать. — Филиппа резко отодвинула стул и, переместившись на диван, порылась в карманах джинсовой курточки и извлекла пачку “*Benson & Hedges*”. Она помахала ею перед роди-

телями. — Я понимаю, сейчас не время и не место, но я курю. Уже не первый месяц. Извините.

Она направилась на заднее крыльцо, родители проводили ее взглядом. Оба молча смотрели, как она открыла дверь и щелкала зажигалкой. Из рта у нее шел белый пар, за спиной виднелись клочья облаков на фоне звезд. Из далекой долины мерцали огоньки. “Холодно для ноября, — подумал Кэффри. — Слишком холодно”. Он всей кожей ощущал эти замороженные просторы. Этот гнет всех придорожных канав, в одну из которых, не исключено, выкинули Марту. “Ярис” — компактная машина со сравнительно большим бензобаком, которого может хватить едва ли не на пятьсот миль, но сомнительно, что угонщик все время едет в одном направлении. Человек местный, он наверняка знает все точки, где установлены камеры наблюдения. Он не рискнет покинуть свою делянку. Он по-прежнему где-то поблизости, в знакомом окружении. Возможно, подыскивает безлюдное место, чтобы освободиться от ненужного балласта. У Кэффри на этот счет сомнений не было, но какой-то червячок его точил: времени уже прошло много. Три с половиной часа. Почти четыре. Он помешал чай и стал разглядывать ложечку, дабы никто не заметил, как он украдкой бросил взгляд на настенные часы.

— Насколько я понимаю, мистер Брэдли, вы — приходский священник? — спросил он.

— Да. Вообще-то я был директором школы, но три года назад меня посветили в духовный сан.

— У вас благополучная семья.

— Это так.

— Вы живете по средствам? Надеюсь, мой вопрос не покажется вам грубым.

Джонатан выдавил из себя улыбку.

— Да. Вполне по средствам, с вашего позволения. У нас нет долгов. Я не тайный игроман и не употребляю наркотики. И мы никому не причинили зла. Я ответил на ваш следующий вопрос?

— Папа, фи, — пробормотала Филиппа.

Он пропустил ее замечание мимо ушей.

— Если, мистер Кэффри, вы к этому ведете, то это ложный путь, уверяю вас. Нет никакой причины, чтобы кто-то захотел отобрать у нас дочь. Ни малейшей причины. У нас не такая семья.

— Ваша досада мне понятна. Просто я хочу получить ясную картину.

— Какую картину? Нет никакой картины! Мою дочь увезли, и мы ждем от вас каких-то действий... — Он осекся, словно осознав, что кричит. Откинулся на спинку стула, тяжело дыша, с красным лицом. Провел рукой по волосам. — Извините. — Он выглядел уставшим. Опустошенным. — Прошу прощения. Я не должен был срывать. Просто вам не понять, что мы испытываем.

Раньше, когда Кэффри был молодым и горячим, от подобного замечания — что ему не дано чего-то понять — он взвился бы, но с возрастом он научился владеть собой. Джонатан Брэдли не ведал, что говорит, — да и откуда ему было знать? — поэтому детектив просто положил руки на стол. Ла-

донями вниз. Показывая свою полную невозмутимость. Абсолютный самоконтроль.

— Послушайте, мистер Брэдли, миссис Брэдли. Стопроцентной гарантии не существует, и предсказывать будущее я не берусь, но я готов рискнуть и скажу вам так: у меня есть ощущение, и весьма стойкое ощущение, что все закончится хорошо.

— Господи. — По щеке Розы скатилась слеза. — Вы так думаете? Вы правда так думаете?

— Я правда так думаю. Скажу больше... — Он бодро ей улыбнулся и произнес одну из самых больших глупостей в своей жизни: — Мне не терпится взглянуть на то, как Марта задует свечи на торте. Я надеюсь, вы пришлете мне фотографию, чтобы я мог повесить ее на стену.

3

Цементный завод у подножия Мендипских холмов не работал вот уже шестнадцать лет, и владельцы обнесли его забором, чтобы отвести желающих покататься вокруг затопленной каменоломни. Фли Марли бросила машину в сотне метров от ворот, на грунтовой колее в зарослях утесника. Обломав несколько веток с соседнего дерева, она забросала машину, чтобы ее не было видно с главной дороги. Место безлюдное, но лучше перестраховаться. День выдался холодный. Серые облака с Атлантики заволокли небо. К тому же сильный ветер. Так что Фли была в анораке до колен и круглой шапочке. Мешочек для магнезии и рычажные зажимы вместе с наколенниками и налокотниками лежали в рюкзаке. Ее специальные трекинговые ботинки вполне могли сойти за туристские, и если бы она с кем-то столкнулась, человек посчитал бы, что она просто заблудилась.

Фли протиснулась через дыру в заборе и двинула дальше по дорожке. Погода ухудшалась. К тому времени, когда она приблизилась к воде, поднялся

шквальный ветер. Пониже белого облака-балдахина проносились темные облачка, похожие на стаи птиц. В такой день собаку из дому не выгонят. Она пригнула голову и ускорила шаг. Плоскость горной выработки была по ту сторону каменоломни. Она остановилась у подножия и в последний раз глянула через плечо, чтобы убедиться, что она одна, а затем шмыгнула за выступ скалы. Найдя подходящее место, бросила на землю рюкзак и достала из него необходимые вещи. Теперь главное — быстрота и решительность. Ни о чем не думать, просто делать свое дело. Чтобы поскорей с этим покончить.

Она воткнула в известняковую породу первый рычажный зажим. Ее отец, давно уже покойный, был заядлым путешественником. Этаким герой из приключенческого романа — ныряльщик, спелеолог, скалолаз. Хотя страсть к приключениям ей передавалась, но скалолазание не было у нее в крови — она не из тех асов, что могут подтягиваться на двух пальцах. Известняковая скала с ее вертикальными и горизонтальными расселинами как будто не должна представлять особой сложности для скалолаза, но только не эта: всякий раз ее пальцы попадали не туда, к тому же трещины забились затвердевшей магнезией, которую она уже пускала в ход прежде. При подъеме она периодически останавливалась, чтобы выгрести из трещин белую массу. Нельзя оставлять следов. Ни при каких обстоятельствах.

Миниатюрная Фли была сильная как обезьянка. Когда в жизни почти всегда неизвестно, что тебя ждет за поворотом, важно поддерживать форму,

и она тренировалась ежедневно. Не меньше двух часов. Бег трусцой, поднятие тяжестей. Сейчас она находилась в оптимальной форме. Несмотря на неважную технику, подъем на скалу занял не больше десяти минут. И она даже не особенно запыхалась.

На этой верхотуре ветер завывал как зверь, анорак прилипал к телу, а волосы заклеивали глаза. Она сжала пальцы и, обернувшись назад, посмотрела вниз на долину в пелене дождя. Большая часть скалы скрывалась в тумане, но не вершина, так что в худшем случае кто-то из проезжающих мог ее засечь. Однако дорога была практически свободна, если не считать одной-двух машин, ехавших с включенными дальними фарами и “дворниками”. На всякий случай она прижалась к скале.

Она поджала пальцы на ногах и развернулась чуть влево, пока не увидела то самое место, затем ухватилась обеими руками за перепутанные корни утесника и развела их в стороны. Помедлила, не желая делать следующий шаг. Просунула голову в про свет. Сделала глубокий вдох. Задержала дыхание, чтобы оценить запах.

Выдох получился долгим и хриплым. Она выпустила корни, отвернулась и закрыла нос тыльной стороной ладони. Перевела дух.

Труп был на месте. Резкий, удушливый запах разложения подтвердил то, что она хотела знать. И все же запах слабее прежнего. “Слабее” означало, что процесс идет своим ходом. В течение лета стояло то еще амбре. В иные дни она улавливала его еще внизу, на тропинке, где, в принципе, мог уловить

любой прохожий. А такой запах — уже лучше. Гораздо лучше. Женский труп потихоньку разлагался.

За незаметным просветом, в который Фли просунула свой нос, открывалась расщелина в скале. Далеко внизу, на глубине около восьми метров, находилась пещера с одним-единственным входом под водой. Проникнуть туда было практически невозможно без акваланга и точного знания контуров каменоломни. Она проделала это дважды за те полгода, что тело пролежало в пещере, просто чтобы удостовериться, что его никто не обнаружил. Сейчас оно покоилось на самом дне, в углублении, заваленном камнями. Поди догадайся о захоронении. Единственное, что его выдавало, это очевидный запах, проникавший на самый верх, благодаря естественной вентиляции через невидимые трещины.

С противоположной стороны каменоломни донесся скрип: это открывались ворота. Она раскинула руки и ноги и заскользила вниз, корябая колени. Спереди на непромокаемом плаще протянулась оранжевая дорожка грунта. Она приземлилась, сторбившись, с вытянутыми руками, вся обращенная в слух. При таком ветре с дождем трудно быть в чем-то уверенной, но, кажется, на территорию въехала машина.

Она подкралась к выступу скалы. Выглянула и тут же отпрянула назад. Машина. С включенными фарами. Медленно ползущая под дождем. Это бы еще полбеды. Фли еще раз высунула голову из-за мокрого уступа. Да. Патрульная машина.

Вот так так. И что ты теперь собираешься делать, всезнайка?

Она быстро освободилась от наколенников, перчаток, мешочка с магнезией. Верхние рычажные зажимы были уже вне досягаемости, зато ближние она поспешно выдернула из скалы и вместе со всем прочим засунула под ближайший утесник. Присев на корточки, она по-крабьи стала удаляться от скалы под прикрытием кустов, пока не доковыляла до другой скалы, где можно было встать во весь рост и оглядеться.

Патрульная машина остановилась в дальнем конце каменоломни, где громоздились отходы цементной компании. Автомобильные фары были забрызганы грязью. Может, коп заехал, чтобы отлить? Или сделать звонок? Или съесть бутерброд? Он заглушил мотор, опустил стекло и, высунув голову, сощурился, глядя вверх сквозь пелену дождя, а затем склонился над пассажирским сиденьем в поисках чего-то.

Бутерброд? Господи, хоть бы это был бутерброд. Мобильник? Нет, фонарик. Блин.

Он открыл дверцу. Луч фонарика разрезал серую мглу, осветлив сетку дождя. Коп натягивал непромокаемый плащ. А луч уже прыгал по деревьям вдоль дороги. Захлопнув дверцу, коп подошел к озерцу и посветил туда-сюда по поверхности затопленного карьера. Он смотрел, как капли барабаният по воде и она вся закипает. А вдали, за воротами, можно было разглядеть капот ее замаскированной машины, с которого ветер сорвал пару веток. Так что коп знал, что она где-то здесь.

Ну вот, подумала она, ты по колено, сама знаешь, в чем. Вдруг коп повернулся к ней, будто услышал ка-

кой-то шум, и направил фонарик в ее сторону. Она отпрянула за скалу и стала боком. От ветра на глаза навернулись слезы, сердце так и колотилось. Коп двинулся к скале, под подошвами захрустел гравий. Шаг, второй, третий, четвертый. И еще более целенаправленно. Пятый, шестой, седьмой. Прямо на нее.

Она набрала в легкие воздуха, сбросила капюшон и вышла навстречу яркому лучу. Он остановился в нескольких метрах, вытянув руку с фонариком; с капюшона его дождевика стекали потоки воды.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Луч пробежался по ней вверх, потом вниз.

— Вам известно, что это частная собственность? Принадлежащая цементной компании?

— Да.

— Вы работаете в карьере?

Ее губы раздвинулись в слабой улыбке:

— Вы в полиции, видимо, недавно.

— Что, по-вашему, означают эти слова: “частная собственность”?

— Что я не должна здесь находиться без специального разрешения?

Брови у него поднялись.

— Неплохо. Суть вы уловили.

Он повернул фонарик назад, в сторону дороги.

— Это ваша там машина? На обочине?

— Да.

— Вы пытались ее замаскировать ветками?

Она засмеялась.

— Бог ты мой. Конечно нет. С какой стати?

— Значит, это не вы набросали ветки на капот?

Она козырьком ладони закрыла лицо от дождя и изобразила, будто вглядывается.

— Наверное, ветер. Хотя я понимаю, о чем вы говорите. Со стороны может показаться, будто кто-то пытался ее спрятать.

Коп снова навел на нее фонарик и принялся рассматривать ее анорак. Если он и заметил залеplенные грязью сапоги, то не стал на них заикливаться. Он приблизился еще на пару шагов. Она сунула руку во внутренний карман куртки. Коп среагировал незамедлительно: в мгновение ока фонарик оказался под мышкой, в правой руке появилась рация, а левая легла на торчащий из чехла газовый баллончик.

— Все в порядке. — Она расстегнула молнию и распахнула куртку так, чтобы продемонстрировать изнанку. — Видите? — Она показала пальцем на внутренний карман. — Там лежит мое удостоверение. Показать?

— Удостоверение? — Коп не спускал глаз с кармана. — Какое еще удостоверение?

— Хорошо. — Она шагнула вперед, чтобы сделать карман более доступным. — Достаньте сами. Если вам так спокойнее.

Коп облизнул губы. Он выпустил рацию и протянул руку. Пальцы коснулись верхнего края кармана.

— Там нет ничего острого? Ничего такого, обо что я мог бы порезаться?

— Ничего.

— В ваших интересах, молодая леди, говорить правду.

— Я и говорю.

Его пальцы, медленно скользнув в карман, ощупывали его изнутри. Лицо сделалось озабоченным. Он вытащил предмет и уставился на него.

Полицейские корочки. В стандартном черном кожаном футляре.

— Коп? — выдавил он из себя. Раскрыл и прочитал вслух: — Сержант Марли. Я про вас слышал.

— Ага. Я возглавляю подразделение подводного розыска.

Он вернул ей удостоверение.

— Какой черт вас сюда занес?

— Я подумываю о проведении здесь тренинга на следующей неделе. Считайте это разведкой на местности. — Она с сомнением поглядела на небо. — После погружения в такую погоду отмороженная задница гарантирована.

Коп выключил фонарик и поплотнее закутался в плащ.

— ППР? — уточнил он.

— Точно. Подводный розыск.

— Я много слышал про ваше подразделение. Дела вроде как у вас не ахти?

Она промолчала, но при упоминании о проблемах ощутила неприятный холодок в затылке.

— Проверки со стороны полицейского инспектора. Контроль за соблюдением профессиональных стандартов проводит расследование?

Фли сделала лицо. Сама любезность. А корочки сложила и спрятала во внутренний карман.

— Что толку говорить о прошлых ошибках. У нас дел полно. Как и у вас.

Коп кивнул. Он собирался что-то сказать, да, видно, передумал. Приложил палец к фуражке и медленно побрел назад к машине. Сев за руль, дал задний ход, круто развернулся и выехал за ворота. Проезжая мимо припаркованного в кустах автомобиля, он притормозил, чтобы рассмотреть его вблизи, затем дал газу и через пару секунд скрылся из виду.

Она словно окаменела под проливным дождем. *Я много слышал про ваше подразделение... Дела вроде как у вас не ахти?*

Почувствовав озноб, она застегнула молнию на куртке и обвела взглядом безжизненный карьер. По ее щекам, точно слезы, стекали капли дождя. До сих пор никто не говорил ей в лицо ни слова о работе ее подразделения. Она удивилась собственной реакции. Их команда переживает не лучшие времена. Ее это больно кольнуло.словно что-то сместилось в груди. Какой-то комок, засевший там в тот самый день, когда она спрятала труп в пещере. Она сделала вдох, как бы загоняя комок на прежнее место, и задержала дыхание. А потом подышала размеренно, окончательно прогоняя внутреннюю тревогу.